

Оформление указа Императора заняло около четырех дней, прежде чем его, наконец, выдали. Вестовой доставил его прямо в поместье Глицинии. Конечно, его зачитали и на площадях, но в кратком изложении.

Получив указ и устав Ордена, приняв пожалованное высочайшее орденское одеяние с вышитым крылатым львом Бисе на спине, и всеми атрибутами, включая замысловатую заколку, чем-то напоминающую убор феникса в миниатюре(женский брачный головной убор) подколоть его Принц Чжан решил, что ли? Чэнь Жун надел все, и сел в экипаж со своим багажом. С большой pompой императорские гвардейцы начали сопровождение его в храм на горе Сишань.

Потоки зевак расступились в стороны, пропуская экипажи.

Согласно закону он теперь был Бафэнь(императорский фаворит, имеющий 8 императорских привелегий, пожизненно, давалось за особые заслуги) Бисе ЮньЦзы, и имел право на 8 привелегий. Это почти княжеский статус. Пусть и не наследуемый, а личный. Слуги спешно перед отправкой покрасили колеса повозки в красный цвет, а Лао Шен взял в руки кожаные бичи. Пусть пока не было павлиньих перьев с драгоценностями, пурпурных подушек и поводий, печатей с символом ордена на бортах, но уже колеса говорили всем о его особом фаворитизме.

Вскоре они прибыли к входу в долину Сишань. И следовали они не по аллее Уи, а по дороге из восточных «храмовых» ворот. Мимо них следовали повозки и всадники в этом же направлении, с интересом на них поглядывающие. Въезд в долину был отмечен двумя солидными строениями - одно было, по сути, крытым рынком, переходящим дальше на восток в конюшни, а другое, напротив, очень большим постоялым двором с протяженными рабочими постройками, тянущимися в западном направлении. Судя по всему, там оставляли повозки и производили их ремонт и изготовление.

Между этими двумя строениями образовалась недлинная улица, которая и была входом в долину. Тут кипела своя жизнь, участниками которой в основном были весьма колоритные личности, в которых без труда угадывались рискованные люди всех мастей и куртизанки с куртизанками. Ну и торговцы. С одной и с другой стороны им тут же стали предлагать услуги и товары, приняв их за паломников.

Первым делом пришлось разгрузить повозки, для этого все будущие носильщики приняли выданные пилюли, чтобы взять без проблем максимум загодя упакованного в ручную кладь груза. Повозки и лошади были сданы «на хранение».

После этого все слуги охранники и сам Чэнь Жун вошли в долину. Она была небольшой, окруженной почти отвесными скалами. От центральной горы до этих склонов было метров пятьсот в самом узком месте.

Вдоль скал на первых террасах располагались двухэтажные постройки лагерей, похожие на

жилье для слуг, где каждое однокомнатное помещение имело свой выход. Большая часть помещений была открыта, пуста и проветривалась. Закрыты были лишь жилые комнаты.

В самой долине у скал располагались мишени, макиавары, чучела, доски, и еще многие приспособления для тренировок. Но они занимали очень мало места, саму же гору с двух сторон огибала каменная дорога, по которой могла проехать повозка или пройти в ряд два всадника.

Подъем на гору начинался прямо напротив входа в долину с каменных ступеней, уходящих по движению солнца, гора была в основании ничуть не маленькой, поджалуй Чэнь Жун сравнил бы ее с Дворцовым холмом в НаньНьяне, но значительно выше. Это скорее долину можно было счесть ущельем вокруг этой горы. Сама гора напоминала гигантский пень, поросший грибами-тутовиками, почти не сужаясь кверху и украшенный этими карнизами-балконами, разбросанными причудливо там и сям. Все это было обильно покрыто растительностью, и лишь кое-где виднелись отвесные скальные породы. В паре мест падали ручьи-водопады, что делало гору совсем фантастической. Вода падала в окружении брызг разбиваясь в неглубоких каменных вымоинах- и уходила под землю, точно в слив раковин. Такое говорило многое о прочности породы, ведь за столько веков существенных промоин так и не образовалось.

Подъем не был крутым, но действительно на повозке, да и в паланкине тут подниматься было проблемно. Первая терраса началась на южном склоне и гораздо выше террас, обжитых лагерями авантюристов.

У них над этими площадками были посты отвесные склоны, на которые мог бы подняться только альпинист, а таковых в это время еще не было. Ну, или одаренный, со специфическим даром или владеющим левитацией.

Поэтому тут не было, например, мостков ведущих от этой горы к другим - напротив.

Зато Чэнь Жун, дойдя до южной, противоположной входу в долину, стороны горы, мог оценить монструозную «арку» — ворота в джунгли. Она была перекрыта толстой крепостной стеной, выстроенной из местного камня, и большими воротами в ней, напоминающими главные ворота города.

У этого фрагмента стены были выстроены помещения для стражи, такие же как и на стенах города.

Из-за стены доносились крики обитателей джунглей. Довольно своеобразные.

Чэнь Жун мог бы поклясться, что такие крики могут издать либо демоничекие твари, либо мутанты высоких рангов.

На первой террасе был разбит фруктовый сад, довольно ухоженный, и сейчас цветущий. Общая площадь этого балкона была примерно 20 на 40 метров. По краю была возведена невысокая

плетеная ограда. Деревья были подрезаны, явно человеком, понимающим в этом.

Они шли без остановки, благо пилюли давали эту возможность, но не сказать, что подъем был легким. Одна терраса сменяла другую, где-то переходы были совсем короткими, а где-то приходилось идти по тропе, вырубленной в скале, где с одной стороны была пропасть, огороженная только натянутой веревкой. Кое-где были «мостки» где нужно было идти по живым стволам переплетенных лиан, образующих мостик-переход. Чем выше, тем гуще была растительность и чаще встречались такие живые мосты. обогнув гору в третий примерно раз, они увидели группу паломников, отдыхающую в вырубленном гроте, где стоял дорожный алтарь, украшенный цветами, подношениями и курящимися благовониями. несколько раз они пересекали те самые ручьи-водопады, к ним были подведены бамбуковые колеса для отвода воды на полив.

Встретились «балконы» с посадками зерновых и овощей, а некоторые и вовсе были в стороне от дороги паломников, и к ним был какой-то свой путь.

Уже далеко за полдень они поднялись на плоскую вершину горы, тут склон был совсем незначительным, и расчерченными несколькими крупными ручьями, у которых росли старые ивы, небольшие лужицы запруд пестрели водными гиацинтами и ирисами, по крайней мере так их определил ЧэньЖун. Казалось, что это не вершина горы, а невысокий холм, на вершине которого красуется храм. Вид вокруг мало напоминал дикое место, слишком он был продуман и ухожен, словно старое поместье.

Каменные дорожки, «случайные» купы цветов, там и сям закрепленные фонари, декоративные цветущие кустарники и деревья, вроде бы оказавшиеся тут случайно. Цветение еще только начиналось, вероятно, в его разгар тут невероятно красиво. Из густой травы то тут, то там торчали кроличьи уши.

На этом расстоянии, сквозь редкие деревья, стали видны вздернутые карнизы храмового комплекса. По сути целого дворца. Кажется, Цинван(наследный принц) был щедр до невероятности.

Чэнь Жун в сопровождении нагруженного императорского эскорта, неторопливо направился к храму.

Мох покрывал каменные плиты на извилистой дороге. Около дюжины аристократов-паломников смотрели в сторону Чэнь Жуна.

Увидев плохо скрытую красоту под широким Орденским одеянием, какой-то напудренный парень пошутил:

— Разве это не тот хорошенький маленький мальчик по имени Бисе ЮньЦзы? "Юнь" в его имени вполне подходит для описания очарования.

Другой молодой человек лет двадцати, высокий, худой и симпатичный, с улыбкой ответил:

— По-моему, "Юнь" (очаровательный/изящный) слишком элегантно и благородно для него. Лучше использовать "Мэй" (□ - очаровательный/соблазнительный). Хотя нет, "Мэй" слишком вульгарно для него. В этом парне имеется некая элегантность, тц, тц, это трудно описать.

Среди их болтовни одна из куртизанок в толпе пришедших поклониться любвеобильному Бисе громко удивилась:

— Я все еще не понимаю, почему, если он так много значит для него, Лан'я Ван Ци позволил ему стать монахом. Или это его романтизм, как ученого? — с этими словами она рассмеялась и спряталась за рукав.

А Чэнь Жун внезапно вспомнил, что его покровитель был и покровителем ночных бабочек обоих полов.

Он смело вошел в храм и преклонил колени. остальные прошли в помещения для паломников оставив его наедине с божеством.

Потребовались целые сутки, чтобы сакральное имя Чэнь Жуна оказалось занесенным в магические летописи. Ведь получить благословление божества совсем не тоже самое что получить свиток от императорских чиновников. Кроме него в помещении храма никого не было, и он словно парил в некоем тумане, где его память и знания перетряхивали и словно выворачивали наизнанку.

Но наконец, его кандидатура была одобрена и принята. Его заколка странным образом обрела подобие кроличьих ушей, что сделало ее довольно игривой. только тогда он смог подняться с колен и оглядеться. помещение центрального зала было квадратным, в центре перед статуей Бисе, как водится, курился магический источник -бассейн -место силы, собственно в котором он оказывается и стоял, хотя точно помнил что опускался на каменный пол.

свод поддерживали девять толстых красных колонн с навершиями в форме бутонов лотоса.в стенах были ниши, как он помнил по будущему, в таких нишах стоили статуи божественных бессмертных, им поклонялись на равнее с главным божеством. И сейчас две главные ниши за спиной Бисе были уже заняты. Одну традиционно занимала статуя «безымянного бога», некий собирательный образ Странника, божества чье имя за давность лет или из-за каких-то событий забыли, тем не менее, это не сделало Бессмертного не божеством. К нему обращались и в тех случаях, когда не знали к кому обратиться. Его лицо было скрыто капюшоном, лишь едва угадывались благородные черты лица. В нем можно было угадать любого и никого.

А вот в другой нише ... оказалась ЕГО статуя.

С этой же заколкой, к его опущенной на уровень пояса руке был закреплен мини-арбалет, которым он любил пользоваться ТАМ, и на поясе висел кнут, в этой же руке был

полураскрытый веер. А на пальце другой руки, кокетливо держащей цветок почти у лица, сидела бабочка. Поза была довольно романтична и немного кокетлива.

Демоны задери, он просто распутный красавчик! Но почему? И тут же сам себе ответил – потому что он основатель Ордена Бисе. он убийца и авантюрист, покровительствующий ночным цветам.

Чэнь Жун потряс головой.

Прсле этого он зажег искрами с пальцев палочки благовоний и устало побрел на выход.

По его предположениям этот день за его спиной должен был быть оживленным, но по какой-то причине, даже после того, как вся пыль осела и гвардейцы ушли, зеваки так и не посетили Храм Бисе на Сишань.

Солнце уже садилось.

Чэнь Жун стоял у парадного входа и, глядя вдаль на плоские вершины других гор, словно остатки прошлой огромной дороги, почему-то рухнувшей вниз, чувствовал необъяснимое смятение.

Он ведь без сомнений жрец, назначенный самим Императором и принятый божеством, но ни один человек не был послан в раскинувшийся монастырь. Как ни старался он прислушиваться, единственными звуками, которые были слышны— голоса его слуг во внутреннем дворе.

Как будто то его становление служителем неба, для остальных является простой сменой места жительства.

Задумавшись, он не удержался от смеха: Разве так не лучше? Он все равно хотел покоя.

С этой мыслью он повернулся, намереваясь войти уже в комплекс.

Храмовый комплекс оказался невероятно большим, с рядами зданий, и по меньшей мере ста пятьюдесятью комнатами для паломников. Главным оставался большой храм, с настоящим источником у лап древней статуи крылатого льва, где он провел сутки. Странно, что это место было необитаемо. Неужели тут никого ранее не было? Храм возвышался над комплексом точно дворец над дворцовым ансамблем. Своей тыльной частью он скрывал внутренний двор, окруженный домами, предназначенными служителям и членам Ордена, весьма комфортным. В итоге для жилья Чэнь Жун выбрал самое безопасное место на востоке.

Он привез с собой в Цзянькан достаточно человек. Оставив Шена, мастеров и часть прислуги присматривать за домом, купленным им и строящимися лавками, сейчас непосредственно с ним осталось только восьмеро. Восемь слуг и он сам – всего девять человек. Сакральное число.

Слушая птиц, насекомых и рычание зверей в горах, где солнце уже скрылось за горизонтом, девятеро из них действительно чувствовали себя довольно одиноко в храмовом комплексе, который мог вместить более сотни человек только самого ордена и еще столько же паломников.

Чэнь Жун провел следующую ночь, вслушиваясь в крики тварей в джунглях и тяфканье лис неподалеку, ожидаемо, что там, где много кроликов появятся и лисы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/1285/36228>